

18+

Женя Декина

Кропаль

Роман

Женя Декина

Кропаль. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43725563

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман представляет собой срез современной русской жизни, показанной через призму наркоторговли. В центре повествования – килограмм гашиша, от момента его сбора в Чуйской долине до момента употребления в Москве. Гашиш едет через всю страну, попадая из рук в руки и калеча судьбы людей, жаждущих легкой наживы, но гибнущих, так ее и не получив. Это Дантов ад современной реальности.

Женя Декина

Кропаль

роман

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate

Над долиной летел крупный орел. Его силуэт пропадал, сливаясь с горами, и появлялся снова, резко выделяясь на фоне пустого неба.

Сугар следила за его полетом и вспоминала песенку, которую слышала от скупщиков скота много лет назад. Она не хотела слушать и почти сразу убежала в долину, зажав уши руками. Но песенка будто вошла в голову и каталась в ней, раздражая своим простеньким мотивом. Сугар боялась, что если будущий муж ее Эрдем, красивый и большой, узнает, что она слушала, он заберет калым и не посватается к ней.

В песенке говорилось, что в давние времена, когда горы эти были еще маленькими камушками, а река – влажным отпечатком копыта степной лошади, уже тогда праотец-лысое-небо больше любил орлов, чем людей. Им он даровал крылья, а не людям. Их отпустил он на волю, а не бросил бродить по камням в поисках молока и мяса.

Тогда Сугар боялась разозлить кощунством праотца-лысое-небо, а теперь сама напевает тихонько эту песенку и не боится. Праотец-лысое-небо давно оставил ее, как другие праотцы оставили долину. Неоткуда ждать помощи. Неоткуда

да.

Все знают это. Только Тэнгиз продолжает чтить предков своих и носит им подарки. Он говорит, что если бы все делали как он, праотцы вернулись бы в долину, но ему уже никто не верит. Даже старый кам ушел из проклятой долины, когда праотцы в третий раз отказали ему в дожде.

Старухи говорят, что дары Тэнгиза давно принимает злобный Эрлик. Если бы не Эрлик, то не было бы на свете безголового червя Олгой – Хорхоя, и зла бы не было, и боли, и Тэнгиза.

Сугар на всякий случай запела другую песню. Про то, как пробрался Эрлик в пещеру и осквернил сотворенного Кудаем человека, измазал его и наплевал. И у человека от этого по телу пошла шерсть, как у зверя, и пот стал вонючим. Кудаю пришлось брить и чистить человека, но совсем отмыть человека он не смог. И так рассердился Кудай на Эрлика, что изгнал его. Эрлик летал по свету вместе с орлами и нигде не мог приземлиться. И устал он, и выпросил у Ульгень столько земли, чтобы можно было воткнуть в нее свой посох и усесться на нем, обратившись орлом. И пожалел Ульгень Эрлика, не знавшего отдыха сто дней и сто ночей, и дал земли ему, но Эрлик проткнул посохом землю, и вылезли из нее все гады и болезни человеческие. И Олгой – Хорхой.

Сугар представила на секунду, что это ей дарованы крылья, и она может перелететь пустыню, и тоже видит сверху блестящие на солнце водные потоки, зеленые островки по-

лей и узкие змейки дорог. Она растерла в ладонях верхушку конопляного побега и подумала, что если бы у людей были крылья, то муж ее, Эрдем, большой и сильный, перелетел бы пустыню за один день. И огромный безголовый червь Олгой – Хорхой, похожий на толстую кишку коровы, не проглотил бы его, как он проглотил ее отца, и мать ее, и братьев.

Сугар выбросила измочаленный побег, утерла лоб рукавом рубахи и сорвала новый. Эту нательную рубаху она берегла и надела только теперь, когда старая рубаха протерлась на груди до бесстыжих дыр. Эту рубаху отдала она мужу в их последнюю встречу, и наказала, что если не сможет он вернуться к ней, пусть подарит рубаху новой жене своей, и та пусть носит под нею их новых детей. Сугар говорила, но думала, что если бы и вправду нашел Эрдем себе новую жену, то Сугар удушила бы его этой рубахой. Эрдем тоже знал это и улыбался, слушая слова старинного прощания. Рубаху привез ей Тэнгиз. Вместе с ножом для убоя скота. По традиции он должен был перейти от Эрдема к Мунху, но Сугар продала его, чтобы купить еды.

Рядом промелькнула бритая голова Мунха. Сын бегал перед ней в высокой траве, полностью скрывавшей его. И Сугар на мгновение показалось, что он, обнаженный и загорелый дочерна, сейчас разгонится, и тоже взмоет вверх, в это бескрайнее и пустое небо.

Заметив, что она смотрит, Мунх вернулся к матери. На губах его, спекшихся и растрескавшихся, выступила белесая

пена. Весь он был покрыт бурой конопляной пылью, и оттого казался загорелым. Он попытался устоять, уперев руки в дрожащие колени, но не смог – и тяжело опустился на траву. Сугар присела рядом и принялась торопливо растирать его. Одной рукой она скатывала пыльцу, а второй – собирала катышки на широкий лист. Мунх лежал на земле и все так же часто дышал, не глядя на мать и не мигая. Морщился, когда она слишком сильно давила на его поддрагивающее тело.

Сугар скатала похожие на пластилин катышки в маленький круглый комочек и вздохнула. Мунх услышал ее печальный вздох и, приподнялся. Она омыла его тело водой из старой, мятой пластиковой бутылки, помогла ему встать и повела прочь от поля.

Дома мальчику стало хуже. Его била мелкая дрожь, и ему казалось, будто сквозь него проходит ветер, оттого тело колыхается как истертая, наброшенная на кол во дворе тряпка, которой мама моет пол. У мамы было очень длинное лицо, растекавшееся до самого пояса. Мама подошла и завернула Мунха в колючий куст. Он знал, что это не куст, а покрывало – оно знакомо пахло кислым молоком, но видел он все равно куст. Около куста бегало какое-то маленькое животное – суслик или младший брат. Оно влезло на топчан и заволокло на мальчика вытертый отцовский тулуп. Тулуп прибил куст к земле, как снежная шапка придавливает траву и деревья, и ветер больше не мог проходить через тряпку. Ветки куста сильно помялись и щекотались внутри. Они хотели прорас-

ти через тулуп, но не могли, потому что до весны было еще долго, и это был уже не тулуп, а земля, стоптанная как коровья тропа.

Подошла мама. Теперь у нее было уже нормальное, короткое лицо. Только немного грустное. Она поправила землю и потрепала брата по голове, тот улыбнулся и сполз с топчана.

Брат прошлепал к столу. Мунх тоже хотел пойти и поесть, но не мог, потому что кусты не ходят. Он лежал и слушал, как мама сняла с печи чугунный казанок и поставила прямо на стол. В комнате запахло жженым деревом и похлебкой.

Из-под стола вылезла маленькая сестренка. Мунх видел, как она замешкалась перед лавкой, пытаясь влезть то с правой, то с левой ноги, потом все же отложила соломенную куколку, которую держала в руках, и вскарабкалась. Потянулась к казанку. Мама прикрикнула на нее, и принялась разливать еду в глиняные пиалы. Куски вареных корней часто шлепались в бульон – похлебка оказалась густой. Потом потемнело. Большое и теплое нависло над ним.

Мальчик подумал, что сейчас мама выльет пиалу ему на голову, потому что он куст, и тогда он уменьшится и станет плавать в похлебке, но она просто напоила его. От стука зубов о глину по телу прошли мурашки, горячее протекло в него, и, наполнило. Теперь Мунх дышал ровно и видел все правильно.

Он, кажется, заснул и проснулся оттого, что дверь резко распахнулась. Сестренка заплакала от неожиданности, а брат

вскочил, и черепки, с которыми он играл, просыпались на пол.

На пороге стоял Тэнгиз. У него опять был другой костюм, теперь красный, но тоже «Адидас», и с лампасами. Это было красиво, но еще красивее переливалась толстая золотая цепь у него на шее. Сам Тэнгиз был страшный, но на него все равно никто не смотрел, все любовались костюмом и цепью.

Сугар торопливо поднялась и вытащила из-за притолоки тряпицу, в которую были завернуты собранные катышки. Тэнгиз сунул ей в руки толстые каменные четки – подержать, смял катышки вместе. Получился комок размером с яйцо маленькой птички.

Тэнгиз забрал у женщины четки.

– Что ты мне даешь? Это мало.

Сугар умоляла подождать, но уже заранее знала, что не уговорить. И правда, Тэнгиз только разозлился.

– Я килограмм должен отправить, у Каиржана недобор, где я теперь возьму? Кобылу забираю.

– Нет – нет, Тэнгиз, без кобылы никак, дети у меня, Тэнгиз...

Сугар схватила его за руку, он отпихнул ее:

– Столько же до темноты Рустэму принесешь.

– Олгой – Хорхой, – простонала мать, но он уже вышел, громко хлопнув дверью.

Сугар вздохнула и села на лавку. Подумала и решительно поднялась:

– Пошли, – сказала она младшему.

Тот обрадовался, и бросился к ней. Мунх резко сел, голова все еще кружилась, и он чуть не рухнул с топчана:

– Я пойду.

Сугар отмахнулась. Мунх спустился и оттолкнул от нее брата:

– Не смей малого, я пойду.

Мунх, с трудом передвигая ногами, бегал по полю, потряхивая опущенной головой, как умаянный конь. Сугар поглядывала на него, всхлипывала, с остервенением терла меж ладоней верхушки конопляных побегов, собирая на лист катышки гашиша. Она слепила из них шарик. Не больше горчичного семечка. Она принялась тереть снова. Слева послышался шум. Она обернулась и увидела младшего, который тоже, раздевшись догола, бегал по полю. Она ахнула. Младший подбежал к ней, довольно улыбаясь:

– Я тоже помогаю! Я молодец?

Сугар схватила его за руку, развернула и звонко шлепнула по голой заднице:

– Ах ты! Ну-ка домой! Быстро!

Мальчик бросился прочь, на ходу подхватив одежду.

Сугар осмотрелась. Конопля стояла перед ней неподвижной стеной. Она заметалась и стала звать сына, но ответа не было. Она бросилась в заросли.

Мунх лежал на спине, держась обеими руками за грудь. Глаза его были широко открыты, язык опух и вывалился.

Она упала на колени рядом с ним, потрясла его за плечи, но Мунх не двигался. Сугар приложила ухо к его груди, чтобы услышать сердце, но уже не поднялась – было тихо.

Безголовый червь Олгой – Хорхой проглотил и Мунха.

Рустэм прижал Оуюн к себе. Хотелось раздеть ее и сделать своей женой, но надо было подождать. Тэнгиз обещал разрешить свадьбу после этой доставки. Оуюн была такой горячей, что Рустэм чувствовал – и она хочет, от этого было еще мучительней. Холодный ветер обдувал их, и тепло сохранялось только там, где они соприкасались – если бы не этот ветер, то Рустэм не смог бы сдержаться – лег с ней прямо здесь, у загона.

Собиралась гроза, на долину шла тяжелая черная туча, искрившая на горизонте, и воздух тоже отяжелел.

Рустэм нежно потрепал девушку по голове, получилось неловко, но она только плотнее укуталась в полосатую шаль и, поежившись, прижалась к нему. Хотелось успокоить ее:

– После свадьбы в Россию ходим. Ты же там не была... Там красиво. Особенно ночью – огни везде... высокие дома, асфальт.

– Подумаешь, асфальт. В райцентре тоже асфальт... Об него подковы в два раза быстрее стачиваются.

– А в России нет лошадей, там машины...

– Совсем нет?

Он помотал головой:

– И загонов нет – некуда лошадь ставить. Живут в коробочках узких, друг на друга поставят коробочки и живут. И машины в коробочках.

Она фыркнула:

– Глупые русские, значит.

– Почему?

– К машине бензин надо покупать! Дорого. А кобыла идет – сама себе еду ищет.

Молния сверкнула особенно ярко, девушка вздрогнула и сказала тихо:

– Может, не пойдешь?

– Надо. У Тэнгиза проблемы будут.

– Шакал твой Тэнгиз! А ты вокруг него пляшешь!

– Он моя семья. У меня кроме него никого нет.

Девушка обиделась, отошла. Рустэм подумал, но не пошел за ней.

– И он мне жизнь спас, – добавил он ей вслед.

Но она и на это не обернулась. Рустэм хотел проститься на хорошем, но Оуюн давно пыталась настроить его против брата. И нужно было, чтобы она еще до свадьбы уяснила – Тэнгиз в его жизни будет всегда. Каждый день. Из года в год.

Рустэм отворил калитку и свистнул. К краю загона прискакала кобыла. Он вскочил на нее, и, стукнув пятками по бокам, умчался вдаль.

Оуюн не ушла – стояла и всматривалась в темноту, освещаемую редкими всполохами вдали.

Полило.

Она тоже свистнула кобылу, но к ней подъехал Тэнгиз:

– Ты его зачем отпустила? Гроза на Пилораме!

– Я отпустила? – Оюун разозлилась, – А зачем приказал?

– Кам из района только через неделю дождь обещал. Два

барана взял.

– А накамлал сегодня! И как теперь?

– Может, вернется...

Грохнуло вдали. Чуть погодя молния прорезала небо, осветив жмущихся под навесом кобылиц.

– Э... Братишка...

– Братьев на такое не отправляют!

– А кого отправлять? – изумился Тэнгиз, – Никому не верю. Все шакалы, все обманут. Любой!

– Это ты шакал! Жадный! Рыщешь, все рыщешь, высматриваешь, где бы еще чего урвать!

– Кровь у нас такая, добычу просит все время. Денег не заработаю, плохо бывает, как голодный. Ничего, скоро всегда сытый буду. И деньги мне мешками принесут. И Рустэм заживет, и тебе перепадет, если он тебя не бросит.

– Не бросит.

– Ишь ты, – усмехнулся Тэнгиз, – Там русскую найдет себе, белую, или шорку, и все.

– Пф, – Оюун усмехнулась.

Она с детства была первой красавицей, а потому и вообразить не могла, что можно предпочесть не ее.

– Русские белые все, как больные, а шорки страшные, на медведиц похожи.

– Разные бывают, я видал.

– Он не такой, это ты гарем хочешь.

– Я гарем не хочу. Я хочу ипподром.

– Чего?

– В России был, на картинке видал. Площадь такая круглая, а на ней лошади скачут.

– Загон?

– Сама ты загон. Наперегонки скачут, а все на деньги спорят, какая быстрее придет.

– Так ясно какая. Я тебе и без спора скажу.

– Это ты знаешь, а русские табуна этого не пасли, они смотрят и угадывают. Не угадал – давай деньги.

Оуюн искренне расхохоталась:

– Ой, дураки! Вот русские, а...

– Надо только в поле делать, и чтобы все подпаски в доле, а то расскажут, и мне тогда русские денег не дадут. Угадают все сразу.

– Ну ты придумал, а...

– Не я это, Рустэм.

Послышалось издалека конское ржание. Кобылы встрепенились и ответили дружным ржанием.

Девушка, не дослушав, выскочила под дождь:

– Вернулся!

Кобыла Рустэма прискакала к загону. Оуюн бросилась к

ней, впустила ее в загон, кобыла спряталась под навесом.

Девушка подошла к Тэнгизу. Тот закурил косяк, поднял на нее затуманенные глаза и спросил:

– Тебе лет-то сколько?

– Да пошел ты, – буркнула Оюун и зашагала прочь.

Тэнгиз остался под навесом, задумчиво глядя в сторону гор. Меж двух заснеженных вершин поднималась третья, плоская, как столешница. Снега на ней не было, потому что она была гораздо ниже остальных. Тэнгиз выдохнул дым, посидел немного и вдруг тихонько запел по-русски:

– Очень сильно пьяный Лама падал-падал с Пилорама...

Ты прости, родная мама... Падал – падал с Пилорама...

Тэнгиз вспомнил, как они с Рустэмом хотели заработать свои первые деньги. Для Рустэма они, конечно, были не первыми – пацан постоянно побирался у дацана, а вот Тэнгиз попытался тогда впервые.

Летом они бегали купаться на реку – купанием это назвать было нельзя – так, окунались быстренько в ледяную воду и выскакивали на горячие колючие камни. Камни вонзались в кожу, иногда до кровавых точек, но остроты их они не чувствовали – после реки кожа леденела, зато потом резко отогревалась, не только от жгучих лучей солнца, но и изнутри – будто внезапно растопили очаг в животе.

Тэнгиз почувствовал, что хочет искупаться – он с детства туда не ходил и мылся в уличном душе нагретой солнцем водой. А в холода Тухай грела воду в очаге. Он вспомнил Ту-

хай и ее упругие налитые бедра, за которые так удобно было держаться. Спаривалась она бешено и даже рычала от удовольствия как животное, а потом снова становилась далекой и ворчливой. Жила рядом, не поднимая на него глаз, не заговаривая, и ни о чем не прося. Он хорошо платил ей, и знал, что она кормит его едой своих детей и скучающего мужа с тоскливыми глазами. Он ничего не умел, работы для него не было, поэтому он целыми днями просиживал у ограды и был для Тэнгиза кем-то типа секретаря. Рустэм говорил, что было бы здорово завести доску с мелом прямо у входа, как у русских в школах, и записывать, кто приходил, и кому что передать, но даже сам Рустэм читать не умел, поэтому смысла не было. Тэнгиз надеялся, что муж не знает о том, что Тухай делает для него абсолютно все, но скорее всего, муж знал, оттого и смотрел вокруг взглядом подыхающего пса, ждущего путников с едой у пустого дацана. Иногда Тэнгизу становилось стыдно, особенно после того, как к нему заходил Рустэм и долго приглядывался к Тухай. Тогда Тэнгиз решал, что больше ее не будет. Но с другими надо было возиться, чего-то объяснять, врать или брать силой. Они могли оказаться невымытыми, больными, слишком широкими там или просто не рычали, а тут все готово. И менять что-то Тэнгиз не хотел. Жениться он собирался позже, и даже не думал о том, чтобы выгнать Тухай после женитьбы. Она была не отдельным человеком, а частью его самого, как отец или Рустэм. Тэнгиз вспомнил смерть отца, похороны и то

оглушающее чувство пустоты, к которому никак не получается примериться. И неясно, как теперь быть – плакать, пить, драться или молиться – просто отпавший кусок, без которого больно и неловко жить.

Тэнгиз покурил еще. Не хотелось думать о плохом – о том, что Рустэм в опасности. Он ему нужен, он не хочет без него, и не хотел никогда. Если уже в детстве он убил за него, на что он готов сейчас?

Рядом с тем местом, где они обычно окунались, был обрывчик, а под ним банка – вода от подводного течения заворачивалась в здоровенную петлю. Рустэму эта петля никак не давала покоя – он бросал туда камешки, палки, а как-то кинул бездомного пса, прибившегося к нему. Пес бултыхнулся, мгновенно ушел под воду – будто река выпила его одним глотком. Пса выкинуло вверх через пару метров, живого. Он прокашлялся и, цепляясь когтями за осыпающиеся камни, выбрался на берег.

Рустэма это так впечатлило, что он все свободное время торчал у банки. Тэнгизу тоже было интересно, какие камни лежат на дне в этом месте, и почему банка получается настолько мощной, но лезть и проверять ему и в голову не пришло. А вот Рустэм никак не мог успокоиться. Он даже заставил Тэнгиза помочь ему бросить в банку здоровенный валун, который они вдвоем подтащили к обрыву. Валун выплонуло тоже.

– Прыгать буду, – сказал Рустэм утром, и Тэнгиз ахнул.

– Давай, я тебе денег дам, а ты не будешь.

Рустэм не понял – Тэнгиз итак постоянно давал ему денег, и почему за это надо платить, ему было неясно. Пока они обсуждали это, они придумали, что деньги давать должны те, кто придет посмотреть.

– А если ты умрешь? – не сдавался Тэнгиз.

– Богаче станешь.

На прыжок пришли посмотреть все. И все заплатили. Но перед самым прыжком случилось страшное. Тэнгиз, стараясь встать поудобнее, якобы случайно толкнул в банку одного из сыновей Доржи, тот ухнулся и выплыл через пару метров – мертвым. Тэнгиз и Рустэм достали его, но помогать было бесполезно – посреди лба у него был мясной пролом, из которого сочилось.

Все были уверены, что Тэнгиз толкнул мальчика случайно, и только Рустэм все сразу понял. По глазам прочитал, еще за секунду до удара, что Тэнгиз знает, что он сейчас делает. Тэнгиз и правда знал. Знал, что Рустэм умрет, знал, что он все равно прыгнет и отговаривать его бесполезно. Знал, что нет у него никого ближе после смерти матери, и как сделать, чтобы не прыгал – знает тоже. Сын Доржи в расчет не брался. На его месте мог быть его старший или младший брат, или другой нищий мальчик. Нищие вообще значения не имели, они итак умирали на каждом шагу, а вот Тэнгиза берегли и боялись – единственный сын большого человека, который если обозлится на тебя, то лучше сразу в банку

прыгнуть.

Тэнгиз всегда чувствовал себя свободным, и потому когда Рустэм сказал, что Тэнгиз убил, тот сначала не поверил. И даже засмеялся – убивали в бою, взрослые воины, а он так, спихнул пацана в воду, чтобы Рустэм не прыгнул. И чувства вины он тогда не испытывал. Отца боялся – это да. Все собранные деньги они отдали Дорже, но отцу все равно пришлось много заплатить, чтобы Доржа не обижался.

Тэнгиз боялся, что отец выпорот его бичом, как он иногда делал, но отец почему-то подумал, что прыгать собирался Тэнгиз, а не Рустэм, и только для того, чтобы заработать.

– Клянись мне, что за деньги мясо умирать будет, а мой сын умный, он продолжит мой род.

Тэнгиз поклялся. С тех пор рисковал всегда Рустэм, он и до этого рисковал, конечно, но теперь у Тэнгиза появилось объяснение – клятва. Тэнгиз не то чтобы был трусом, нет, он и дрался, если надо, и на зверя выходил, и в России к Фархату иногда ездил сам, но старался беречься. Рустэм тоже его берег. Случай с сыном Доржи так поразил его, что он навсегда и безоговорочно привязался к Тэнгизу. Легкомысленный сирота, живущий только здесь и сейчас, никогда не думавший, шедший на еду, почувствовал в тот момент, что Тэнгиз с ним. Что он тот, кто сможет защитить его от него самого, от его любопытства, смелости и беспокойности. Он слушал его во всем, обо всем спрашивал совета, и деньги все хранил у Тэнгиза. Правда и брал их сам – просто заходил и доставал,

но покупать особо было нечего – так, на девчонку или еду.

Тэнгизу странно было думать, что Рустэм женится. Да еще и на этой строптивой Оюун, которая думает, что на что-то влияет. Нет, Тэнгиз не стал бы вредить ей – он не хотел, чтобы Рустэм был злой или грустный, но Рустэм и сам кинет ее, если она встанет между ними. У него тоже кроме Тэнгиза – никого.

Рустэм вышел из неглубокой штольни и посмотрел наверх. Небо не прояснялось. Он снова влез в штольню и задумался. Можно было рискнуть – дождь еще не успел как следует промочить камни, а если ждать, то лить перестанет, но по скользким скалам наверх ему не добраться. Рустэм торопливо снял со спины небольшой рюкзак, перевесил его вперед, под куртку, наглухо застегнулся, завязал капюшон и вышел в дождь.

Рустэм любил дождь. Несешься на своей Черной по бескрайней степи, ветер в лицо, трава хлещет по ногам, и ни черта не видно. Но от лошади к телу такой жар разливается, что сразу легко и спокойно. Черная не подведет. Тэнгиз, правда, хотел машину. Вроде как и под навесом сидишь и едешь одновременно. И палочки чтобы непременно по стеклу елозили – воду смахивали. Рустэм машинам не доверял, но мечтал, что пригонит когда-нибудь Тэнгизу самую огромную и мощную, на манер тех, в которых русские лошадей возят.

Цепляясь за крупные, угловатые валуны, он полез наверх. Вскарabкавшись на обточенный ветром камень, скользкий от дождя, он чуть было не соскользнул вниз, но вовремя уцепился за чахлый кустик. Кустик вырвался с корнем, однако Рустэму этой поддержки хватило, чтобы сохранить равновесие. Внутри противно заглодело, пришлось постоять и успокоиться. Он посмотрел вниз и весело пропел, подбадривая себя:

– Ах, прости, родная мама, я упал на Пилорама, не осталось даже шрама, весь погиб я без изъяна...

Эту дурацкую песню он сочинил еще в детстве, когда они с Тэнгизом впервые сбежали в Россию. Детство Рустэм помнил смутно. Неприкаянные, болтались после Большого Мора с отцом по степи. Ни еды, ни воды. И только спотыкающийся оголодавший конь под тобой – маленькая точка в бескрайней степи. Отец прибивался к чужим стадам, батрачил, перепродавал, воровал, когда дела шли совсем худо. И когда его, как конокрада, вздернули на перекладине у райцентра, Рустэм остался один. Тэнгиз тайно таскал ему лепешки из дацана, а потом и вовсе уговорил отца взять его к себе в подпаски.

И чем Рустэм ему отплатил? Увел единственного наследника в Россию! В Россию, где живут лжецы и трусы, где за все надо платить, а людей даже убить нормально не могут, а держат в клетках годами, чтобы они сами сдохли. Рустэм вспомнил, как орал отец Тэнгиза, и его обвислые щеки резко вздрагивали, как у пса. Это был странный человек, и Руст-

эм старался держаться от него подальше. С одной стороны, он вроде бы был глуп и счастье находил только в своем бахвальстве. Бахвалился он всем – стадом, табуном, одеждой. И улыбка такая, что лицо у него становилось похожим на отполированный казан – и смешно, и бесит. Но с другой стороны, дела он вел мудро, и не жадничал лишний раз, в отличие от Тэнгиза, который вздыхал по поводу каждой копейки. Тэнгиз тоже унаследовал это бахвальство, и терялся, когда Рустэм подшучивал над ним. Но Рустэм делал это редко – они были вместе так долго, что уже надоело.

Рустэм взбирался по камням все выше. Лез он медленно и дышал уже тяжело. Наверх он почти не смотрел, двигался наощупь, по-звериному скалясь от хлеставшего в лицо дождя и ветра. Почти вскарабкавшись на очередной выступ, Рустэм ощутил сильный удар в грудь и повис на руках. Ногами он еле успел нашарить опору. Посмотрел наверх. Над ним стоял горный козел и пялился на него. Рустэм не сразу сообразил, а потом засмеялся и прокричал с облегчением:

– Мать твою, гребаная козлина! Да я из-за тебя чуть не обоссался!

Козел не испугался. Стоял и смотрел вниз, на зависшего под ним на крошечном уступе человека. Рустэм подтянулся было, но козел угрожающе проблеял и цокнул копытом. Рустэм удивился:

– Ты че это, козел? Пошел отсюда! – но козел не двинулся с места. Тогда Рустэм крикнул еще более сурово:

– А-ну! – и резко подтянулся.

Козел попытался боднуть его, но не достал. Рустэм снова повис.

Подумав, Рустэм стал обходить козла, чтобы подняться правее. Козел шел поверху, не спуская с него взгляда. Рустэму пришлось спуститься ниже, сделав приличный крюк, чтобы взобраться. Оказавшись выше козла, Рустэм посмотрел вниз. Небольшое стадо лежало в узкой природной штольне. Козел все еще не сводил с Рустэма взгляда.

– На тебе, козлина! – Рустэм вытащил из скалы увесистый булыжник и запустил в козла. Козел, легко перепрыгивая с камня на камень, поскакал к Рустэму. Стало страшно и весело от этого страха и нелепости происходящего. Козел – еда, и он гонится за человеком. И Рустэм бы вынул нож, и прирезал бы его, но по мокрым камням козел двигался, как прилипший, а Рустэм даже равновесие удерживал с трудом:

– Мать твою! – и торопливо взобрался выше.

Козел не погнался за ним. Рустэм присел на камень и расхохотался:

– Козел напал! Никто не поверит...

Дождь теперь шел ниже Рустэма. Рустэм легко карабкался наверх, цепляясь руками и ногами. То рука, то нога соскальзывала по влажному камню, но он держался устойчиво. Остановившись передохнуть под отвесной, почти гладкой стеной, он нащупал под курткой рюкзак и испуганно замер. Он расстегнул куртку, открыл рюкзак и успокоился –

мешок с грузом был там.

Рустэм присел, развязал мешок, достал из мешка круглый, размером с перепелиное яйцо кусок плана. Слишком нервная доставка. Надо было завтра. Отщипнул немного, вынул из внутреннего кармана пачку «Беломора». Папиросы промокли. Он попытался выпотрошить беломорину, но не вышло. Мокрая папиросная бумага рвалась. Он выбросил пачку:

– Мать твою!

И посмотрел вниз. Где-то внизу шумел дождь, но из-за темноты и туч, ничего не было видно. Будто он сидел на невысоком обрыве над рекой. Светало. Он вздохнул и полез выше.

Рустэм подтянулся и вскарабкался. Наверху даже росла трава и деревья. Он подошел к деревцу и сел под ним. Посмотрел на часы. Рано. Можно было поспать, но заснуть Рустэм не успел – из-за небольшого пригорка появился человек.

Он медленно приближался, опасливо оглядываясь. Рустэм хотел было встать, но от усталости лишь помахал рукой. Человек помахал в ответ и подошел.

– Здорово, Хорек! Курить есть? – сходу выпалил Рустэм.

– Курить у тебя есть, – хитро улыбнувшись, ответил подошедший. Это был невысокий шуплый мужичонка, и впрямь сильно походивший на хорька. Хорек стоял над Рустемом и осматривался, хотя никого вокруг быть не могло. Видимо,

это была привычка – постоянно проверять обстановку.

– Сигареты вымокли, – ответил Рустэм.

– А с нашей стороны дождя не было. Две недели уже, – Хорек быстрым движением вынул из кармана сигарету, протянул Рустэму, и пока тот принимал сигарету, он другой рукой уже достал и протянул ему зажигалку.

Рустэм закурил, и, поднявшись, принялся развязывать рюкзак. Дым попадал ему в глаз, и он щурился. Хорек проверил товар – брусок и отдельный кусочек, размером с перепелиное яйцо.

Хорек прибрал товар и достал из-за пазухи завернутые в газету деньги, сунул Рустэму. Рустэм тоже решил проверить, и, пока он был увлечен разворачиванием газет, Хорек бесшумно скользнул назад и, размахнувшись, толкнул его вниз. Рустэм, растеряв газеты, ухнул с горы. Хорек торопливо сунул мешок с планом за пазуху, подхватил рюкзак Рустэма и подошел к краю.

Тело Рустэма, неестественно вывернутое, лежало совсем рядом, на камнях. Рустэм не двигался, и вокруг него темнело – скорее всего, умер, но высота была небольшая. Пришлось проверять – Хорек чертыхнулся и принялся спускаться.

Умер, да.

Не глядя на лицо Рустэма, Хорек подволок его тело к обрыву и спихнул. Бросил туда же и рюкзак.

Пекло так нещадно, что жухла на деревьях листва. Хорек

торопливо шел по дороге и вспоминал географичку. Не саму ее, конечно, а то, как поссорился с ней в шестом классе. Она заставляла учеников вести дневник погодных наблюдений. Его, конечно, никто не вел, староста рисовал в своем дневнике всякую ерунду, а остальные списывали с разницей в пару градусов, чтобы она не пропала – якобы в разное время дня все отмечали, и у кого-то градусник в тени, а у кого-то на солнце. Хорек как-то решил отметить правильно и дать списать старосте, но тот списывать у двоечника отказался. Хорек упираясь, доказывал географичке, что в июле было 43, на следующий день 45, и даже 52 в конце месяца, но она не поверила – сказала, что в их широтах такой аномальной жары не бывает. Хорек даже пошел в библиотеку и прочел в энциклопедии, что действительно, до 37 самое большое, но не могли же врать все градусники города? Это потом он узнал, что 52 бывает из-за угольной пыли. Черная мелкая взвесь накаляется в воздухе, греет, и жить невозможно, и дышать.

И сейчас от каждого его шага от дороги поднимался невысокий столбик черной пыли. Хорек хотел не смотреть под ноги – от одного только взгляда в глотке начинало першить, а нос, казалось, забивается налипающей грязью, но все равно замечал – привык быть начеку с раннего детства – у щуплого, тоненького мальчишки, особенного выбора не было. Хочешь жить – умеешь вертеться, как говорила ему мама. Мама сама пекла хлеб и варила такой борщ, что даже Мордаше ни

разу не удалось повторить, хотя готовила Мордаша лучше всех баб в городе.

Надо было бы зайти к маме на могилку, чтобы она там, наверху, замолвила за него, кому следует, убийство все-таки, но у кладбища Хорьку почему-то стало казаться, что за ним наблюдают, и он свернул. Ощущение это не пропало и в городе – из окон, из приоткрытых дверей сараев, даже из попадавшихся на пути прогнивших погребов, на него могли смотреть.

Как и любой выросший здесь, на земле беглых каторжников, среди шахтовых провалов и заброшенных разрезов, Хорек не боялся чудовищ, привидений или какого-нибудь там дьявола. Хорек боялся людей. Он точно не помнил, когда зародился в нем этот страх, но чувствовал его как особенный спазм где-то под ушами. Губы сами расплзались в заискивающую улыбку, в горле возникал ком, который фиксировал это растяжение, и нормально говорить не получалось. И даже если помассировать челюсть, улыбка не пропадала сразу. Это появилось еще в детстве, но избавиться от привычки Хорьку так и не удалось.

– Че, не рад? – спрашивал отчим угрожающе, – А ну, зубы покажи!

И Хорек улыбался ему. За что тут же получал увесистый подзатыльник.

– Меня так воспитывали, и я так воспитывать буду, – повторял он поначалу возмущавшейся матери, – Пацан должен

отцовскую руку чувствовать, тем более, он знает, за что...

Хорек был тихим послушным ребенком, за что – он понятия не имел. Но отчима это не останавливало, он полагал, что если и нет за Хорьком никаких провинностей, так это только потому, что отчиму пока не удалось его подловить.

Мама считала, что воспитательный метод подействовал, если и вправду был методом. На Хорька ни разу не пожаловались, не позвонили из милиции, не пришли с угрозами.

Соседка говорила, что отчима бесит чужой ребенок, который каждый раз попадаясь на глаза, напоминает о прошлой жизни своей матери – о том, как она целовалась с другим, спала, рожала от него.

Хорек ничего не думал, но чтобы поменьше получать по башке, он старался не бывать дома. Посещал факультативы по химии, научился определять медь и бронзу, таскался по свалкам, находил и сдавал не только бутылки, но и металл. На вырученные деньги покупал еду. Особенно любил дешевое и сочное пирожное «ромовая баба» из хлебного. Одежду воровал – раз в неделю уезжал в соседний городок на электричке, заходил во двор какой-нибудь многоэтажки и просто менялся – снимал с веревки влажноватое и чистое, а свое, грязное, вешал.

К двенадцати годам он в родителях уже не нуждался, да и в друзьях тоже. Тем более, после похорон литераторши отношение к нему в классе переменялось. А все из-за этой дурацкой улыбочки. Услышав, что литераторша умерла, Хорек

был так потрясен, что не почувствовал, что «показал зубы». И судорожные его попытки дышать, и не расплакаться через эту улыбочку выглядели так, будто он смеется. И это заметили.

– Он смеется! – девчонки от ужаса даже плакать перестали.

Хорек выскочил вон, плакал и бил себя по щекам перед зеркалом в туалете, слезы текли градом, но улыбочка так и не сошла. На кладбище его тогда не взяли, выбрали семерых девочек, которые плакали громче других. Он потом сходил на ее могилку сам – литераторшу он любил. В пятом классе она поила его чаем после уроков и угощала невкусным овсяным печеньем. А на следующий год вообще подарила ему ручку с зеленым гелиевым стержнем.

В десятый Хорек не пошел, хотя оценки позволяли. Пошел в фазанку. И уже там, скрываясь от дождя в заброшенном вентиляционном люке шахты 5-6, Хорек оказался лицом к лицу (если то, что он увидел, можно было назвать лицом) с мертвым Мотей. Мотю называли «психическим» и жалели, хотя Хорек знал его еще в те времена, когда Мотя был положенцем Фархата и работал почтальоном. Ничего «психического» Хорек в нем не замечал – разве что он постоянно торчал на могиле литераторши и смотрел как-то липко, будто бы ты его загипнотизировал, и отвернуться он теперь не может.

К тому моменту, когда Хорек его обнаружил, Мотя полго-

да как сбежал из дурки, его вяло поискали и забыли. Хорек тоже забыл, а теперь вспомнил.

Мертвое тело Моти, подсохшее на летнем сквозняке, пахло такой сладкой гнилью, что Хорька чуть не стошнило. Но он не убежал, а принялся его рассматривать. Поразила поза Моти. Видимо, Мотя забрел сюда, побродил, а когда решил выйти, забыл, откуда пришел. Так и остался цепляться за решетку вентиляционного люка, смотреть на свет и звать на помощь. Так и умер. Как моль, которая летит на свет. А выход – вот он, всего через пару метров, за углом. Казалось бы, чего с него взять, «психический». Но Хорек, глядя на него тогда, понял, почему мамка не уходит от пьющего отчима, почему повесилась молодая и красивая литераторша и почему сам Хорек бегают в шестерках у Фархата.

Все живут по правилам. По идиотским правилам, которые они бог знает, где взяли, может, и сами себе придумали. Наверняка, сами. Больше убогую простоту правил этих объяснить было нечем. Знает Мотя, что выход там, где свет – и прется туда, разбивая лицо о стальную решетку. И не будет он по сторонам смотреть, хоть палкой его к выходу гони. И все так. А Хорек нет. Хорек умный. Хорек дождетя своего часа и облапошит их всех вместе взятых. На то он и Хорек.

На широкой городской улице было безлюдно. С одной стороны дороги жались друг к другу двухэтажные каменные домики, с другой – тянулся длинный зеленый полуразрушенный барак – кобылятник – бывшее женское общежитие. За

ним торчала круглая водонапорная башня красного кирпича и проржавевшие стойки огромных конструкций углеобогатительной фабрики.

На крыльце кобылятника сидела старуха в засаленном халате, она поправила треснутые очки, рассматривая Хорька. Хорек заметил ее и поспешно перешел на другую сторону улицы – в самое пекло. Старуха вдруг развернулась в сторону подъезда и пронзительно свистнула, вложив пальцы в рот, как заправский хулиган. Зачем она свистнула? Кого она позвала?

Хорек прибавил шагу. Страх нарастал. Его никто не видел. Не мог видеть. Пацан пришел один. Выжить он тоже не мог. Никто не узнает. Никто ничего не узнает.

Миновал кобылятник, подошел к железнодорожной линии, на насыпь которой принято было валить мусор. Переходя через рельсы, по привычке задержал дыхание, даже летом в нос бил вечный запах гнили. Какой-то старик снял с тележки, сделанной из остова детской коляски, жестяной бак и вывалил золу на насыпь. Серое облако поднялось и окутало Хорька, тот закашлялся, но ничего не сказал – волна страха почему-то снова накатила, хотя старик даже не смотрел в его сторону.

Хорек остановился у деревянного двухэтажного барака, отдышался и постучал в распахнутое окно. Оттуда высунулась Мордаша, разморенная, пышная. Обычно глядя на нее, Хорек испытывал острое желание тут же утянуть ее в койку,

даже не для того, чтобы спать с ней, хотя и это тоже, а чтобы она обняла его крепко и долго гладила по голове и плечам. Но сейчас при мысли о том, что он коснется душного размо-ренного тела, пусть и приятного, становилось тошно.

– Чего?

Хорек быстро протянул ей пакет:

– На, спрячь. И никому, поняла? А белый сюда давай.

Даша встревожилась:

– Ты чего задумал? Зайди!

– Неси, сказал, – ответил Хорек грубо и осмотрелся.

Она вздохнула и неспешно скрылась. Появилась снова, протянула ему белый пакет. Пока Хорек прятал пакет за па-зухой, Мордаша осмотрела цветок на подоконнике, отщип-нула с него высохший лист и бросила за окно.

Хорек почему-то досмотрел, как сухой лист приземлит-ся на землю, и только потом поспешил дальше – к длинным рядам разномастных гаражей. К Фархату. Постучал хитро – три коротких – один длинный:

– Открывай, свои.

Колян, крупный бритый мужик в спортивном костюме той же расцветки, что и у Хорька, чуть посторонился, пропуская его, и тут же захлопнул дверь.

В гараже висел сизый дым, но и он не перебивал запаха влажной плесени. Хорек обошел большой сейф и оказался во второй половине. Тут стоял старый диван и небольшой столик, обитый лянляой клеенкой. Посреди столика – пе-

пельница – гигантская консервная банка из-под топленого масла.

На диване лежал Фархат. Каждый раз, когда Хорек видел Фархата, он зажимался и «показывал зубы». Это невозможно было преодолеть – Фархат имел над Хорьком особую, животную власть. И это раздражало, потому что Фархат не был сильнее, быстрее или умнее, он вообще был довольно нелеп и похож на ребенка. Взять хотя бы эти его летние кожаные туфли. В городишке, пропитанном угольной пылью никто не носил открытую обувь – стоило ноге припотеть, и набившаяся пыль превращала внутреннюю часть обуви в наждак. А Фархат хотел белые летние туфли с дырочками и носил. Правда, с носками. С черными. И ладно бы, брюки купил к туфлям, так нет же. Носил со спортивным костюмом, и выглядело это так странно, будто он не из Москвы их заказал, а снял с кого-то им ограбленного и убитого.

Да, Фархат запросто мог убить. Но Колян тоже мог. И Хорек только что убил, даже не дрогнув. Дело было не в этом, а в том поразительном ощущении, что самого Фархата убить невозможно. Он был как ящерица, от которой можно оторвать хвост, обрубить ей лапы, туловище даже, и все заново отрастет, и даже если не отрастет, если одна голова останется, то и она все равно будет смотреть на тебя как на еду и ползти к твоей глотке.

Как-то Хорьку приснилось, что связанного Фархата опускают в чан с кислотой, он булькает там, растворяется полно-

стью, так, что даже веревки, на которой он висел, не остается. И когда все разворачиваются к выходу, прочь от чана, то натываются на Фархата, который стоит в дверном проеме, сложив руки на груди, и улыбается. Следующим утром Хорек рассказал сон Фархату, прилюдно, чтобы польстить. Фархат улыбнулся снисходительно, а потом изрек очередную свою идиотскую мудрость:

– А знаешь, почему не сдох? Потому что я прав. И всегда был прав.

И поглядел «со смыслом». Все его шестерки сразу же поверили и закивали – типа тоже что-то там поняли. На самом деле, ничего особенного Фархат о жизни не знал, и ничего никогда не подразумевал, и вся власть его держалась только на биологии, но именно это и бесило.

До Мордаши Хорек жил с Амебой, биологичкой из фанки, которая и рассказала ему про альфа-особей. Хорек долго не мог поверить, что Фархат и вправду альфа. Низкий, коренастый, страшный, как черт, с не раз ломаным носом и выпирающей челюстью, делающей его похожим на макаку. Альфа в представлении Хорька должен был быть высоким, статным и крепким, с точеным скуластым лицом, как Колян, или как комсомольцы на мозаиках в доме физкультурника. Но Амеба разочаровала. Альфа – это как раз зверь, юркий, бесстрашный, живучий, с высокой приспособляемостью, и чем больше похож на макаку, тем больше альфа – генов. А точеные физкультурники – это бета – особи, идеальные сол-

даты, которые при определенных условиях способны заменять в стае альфу. Хорька, к слову, Амеба причислила к гамма – особям, тем, кто постоянно мутит воду в коллективе, но открыто выступить простив альфы не может – кишка тонка. На том они с Амебой и расстались. И хоть извинялась она потом, и плакала даже, но Хорек все равно ушел, прямо посреди ночи встал и ушел. Не стерпел обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.